

По прозвищу Профессор

мск. вбосои 10 3-4-70 гевр. с. 21.

ДАТА

Евгений КИСЕЛЕВ

Знаете ли вы, кто такой Валентин Зорин? Если вам лет двадцать с небольшим, едва ли. Валентин Сергеевич с 1991 года не ведет никаких телепередач. Но если вам под пятьдесят, вы не можете не помнить то время, когда на советском ТВ был, по сути дела, только один профессиональный комментатор на международные темы, и звали его Зорин. Он первый получил титул политического обозревателя. Все остальные появились потом. Знаменитость Зорина была абсолютной.

За глаза его звали Профессор. Параллельно с тележурналистикой Зорин занимался современной историей США, защитил докторскую, писал книги, снимал документальные фильмы. В цикле «Владыки без масок» в начале 70-х одна из серий называлась «Таинственный миллиардер». Удивительную историю Говарда Хьюза Валентин Зорин рассказал за тридцать с лишним лет до Мартина Скорсезе, чей фильм «Авиатор» только сейчас выходит на мировые экраны (см. стр.28).

Пятницкая, 25. Каменная громада у метро «Новокузнецкая» — бывшее Гостелерадио СССР.

Раньше тут сидело высокое начальство. Сергей Георгиевич Лапин, во времена брежневского застоя 15 лет железной рукой правивший телевидением и радио Советского Союза, эрудит и реакционер, тонкий знаток изящной словесности и беспощадный цензор, не любил Останкина. Зорин тоже предпочитал тишину Замоскворечья.

Сейчас в этом здании радиостанция «Голос России» — то, что осталось от прежней машины иновещания. На 10-м этаже, в конце коридора, — маленький кабинет, где вот уже 32 года работает Зорин. 27 лет подряд, каждую субботу выходит в эфир еженедельная авторская программа Зорина для американских радиослушателей «How it looks from Moscow» — «Взгляд из Москвы».

Зорин жалуется, что уже восемь лет не был в любимой Америке — с возрастом все труднее переносить смену часовых поясов. Но, глядя на него, думаешь: всем бы нам в 80 лет быть в такой форме! Та же густая шевелюра, только изрядно поседевшая, тот же густой, хорошо поставленный баритон, без единой старческой нотки.

— Валентин Сергеевич, вы брали уроки сценической речи?

— А как же! Когда в 1948 году я окончил МГИМО — это был первый выпуск вуза — и пришел работать на радио, великий диктор Юрий Борисович Левитан послушал меня и отправил на специальные курсы. Я ходил туда три раза в неделю — два с половиной года. Благодаря этому я попал в первую серьезную заграникомандировку. В 1956 году Хрущев и Булганин поплыли с визитом в Англию на крейсере «Орджоникидзе». Было реше-

Валентин Зорин

но давать об этом прямые радиорепортажи. Но вести их никто толком не умел. И тогда выбор пал на меня — по крайней мере, сказала начальство, у Зорина хорошо поставленный голос.

— Помните ли свой дебют на ТВ?

— Когда я впервые выступил на экране с каким-то международным комментарием, Ираклий Луарсабович Андроников, который меня знал и ко мне хорошо относился, сказал: «Валечка, дорогой! Это было у-жас-но. У вас были пустые глаза, напряженное лицо. По-моему, вы написали текст, который пытались лихорадочно вспомнить. Так на телевизионный не бывает. Искусство выступать по телевидению — это искусство публично мыслить». Чеканная формула.

— В вашей программе «9-я студия» мы впервые увидели весьма интересных людей, способных публично мыслить, образованных, чрезвычайно осведомленных, а порой и вольнодумных — по тем временам. Академики Арбатов, Примаков, Богомолов, Иноземцев, журналисты Бовин, Шишлин — все эти люди были еще и советниками высшего руководства страны, имевшими определенное влияние на внешнюю политику...

— Не только на внешнюю, но и на внутреннюю. Я помню, как в 1971 году Арбатов с Иноземцевым просидели на подмосковной госдаче четыре месяца, готовили доклад Брежневу на XXIV съезде КПСС. Начался съезд, выступает Брежнев, в докладе — привычная тарбарщина. Я тогда не удержался, набросился на Арбатова: «Юра! Что ты там делал, на этой даче? На что ты убил столько времени? Ведь там нет ни одной мысли!» Арбатов ответил: «Самое важное не то, что есть в этом докладе, а то, чего мы не дали туда вписать. Например, про реабилитацию Сталина».

— Случалось вам иметь неприятности из-за ваших программ?

— «9-ю студию» закрывали шесть раз.

— Расскажите хотя бы об одном.

— Однажды я пригласил в студию академика Чазова, который в ответ на вопрос, чем может закончиться ядерная война, сказал: «Радиоактивный пепел капитализма

ничем не будет отличаться от радиоактивного пепла социализма». Главный партийный идеолог Суслов был в ярости, «9-ю студию» прикрыли. Но Чазов был лейб-медик, личный врач генсека. Нашел удобный случай замолвить словечко — и программа опять стала выходить.

— А приходилось ли получать указания сверху?

— Если вы имеете в виду, что кто-то звонил, вызывал меня на ковер и говорил: «Зорин, напиши-ка ты про то-то и то-то так-то и так-то», — этого мне удалось избежать.

— Каким образом, если не секрет?

— Помогали две вещи. Во-первых, на меня работало мое имя. Во-вторых, все знали, что у меня бывает возможность общения с высшими руководителями страны — Брежневым, Косыгиным, позже — Горбачевым. Когда какой-нибудь начальник начинал мне пенять за какую-нибудь фразу, я отвечал: «А я это согласовал». И не говорил — с кем. Начальник же знал, что я, к примеру, только что был за границей с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Пойди проверь.

Но при этом мы работали в очень жестких рамках, под очень жестким контролем. Сдаю я как-то начальству фильм «Куда ведут дороги Лос-Анджелеса». Призвал меня Лапин и говорит: «Ты что, нас за идиотов держишь? Ты слова, может, и правильные говоришь, но дороги показываешь такие, которых у нас и в XXI веке не будет!»

— И прав, между прочим, оказался Сергей Георгиевич. По-прежнему с дорогами беда... Последний вопрос. Как вам, еврей, удалось сделать столь блестящую карьеру в стране, где прежде антисемитизм был негласной государственной политикой?

— Это было очень трудно. То, что меня стали выпускать за границу, произошло в результате серии случайностей. «Пятый пункт» сильно мешал, но и очень сильно помогал. Я знал, что добиться чего-то в жизни смогу, если буду постоянно преодолевать сопротивление окружающей среды. Если бы этого не было, я не защитил бы в 33 года докторскую диссертацию и вообще не стал бы тем, кем стал.